

**КОНЦЕПТ ДОМ/РОДИНА В ПОЭТИЧЕСКИХ ИДИОЛЕКТАХ
ПОЭТОВ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ
(СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)**

Светлана Р. Габдуллина

Институт общественных наук

Российская академия народного хозяйства и государственной службы;

Институт лингвистики и межкультурной коммуникации

Первый Московский государственный медицинский университет

им. И.М. Сеченова

Москва, Россия

Ключевые слова: идиолект, идиостиль, культурный контекст, интертекстуальность, концепт, цитатность, аллюзии.

Аннотация: В статье обсуждается проблема влияния культурного контекста на стихотворное творчество, а также вопрос интертекстуальности стихотворного текста. Литература русского зарубежья опирается на широкий круг литературных произведений. Таким образом укрепляется ее связь как с русской, так и с мировой культурой. При том, что образный строй литературы зарубежья связан с поэтической традицией, в ней есть полемика с традицией, и ее обновление. Сопоставительный анализ поэтических текстов таких художников слова первой волны эмиграции, как М. Цветаева, Г. Адамович, И. Бунин, Г. Иванов, Ю. Иваск, Б. Поплавский и др., показал, что ряд явлений в идиолектах можно выделить как тенденции. Конструктивным началом многих произведений является интертекстуальность: поэтический текст содержит аллюзии на какие-либо известные произведения русской литературы, реминисценции из них, что обеспечивает такую смысловую составляющую концепта ДОМ/РОДИНА, как принадлежность к языковой общности и народонаселению «коллективно своего пространства». Один из сквозных мотивов в поэзии русского зарубежья – мотив чуждости нового окружения, в связи с чем мотив эмиграции как второй родины развит весьма слабо.

THE COMPARATIVE STUDY OF THE CONCEPT OF *HOME* / *MOTHERLAND* IN THE IDIOLECTS OF THE POETS' OF RUSSIAN POST-REVOLUTION EMIGRATION WAVE

Svetlana R. Gabdullina

Institute of Public Policy

The Russian Presidential Academy

of National Economy and Public Administration;

Institute of Linguistics and Intercultural Communication

I.M. Sechenov First Moscow State Medical University

Moscow, Russia

Key words: allusions, citationality, concept, cross-textual studies, cultural context, idiolect, intertextuality, lexical statistics.

Summary: The paper studies the topic of the influence of the cultural context on the poetry as well as the issue of a cross textual nature of a poetic text. It also considers the influence of life events on the linguistic picture of the world created by a poet made up of such elements as foreign language inclusions, cross cultural concepts, allusions, etc. The article provides comparative study of the concept of HOME and MOTHERLAND in the idiolects of the poets' of Russian post-Revolution emigration wave, i.e. from 1917 up to 1940. Among the poets whose works have been analyzed and whose poetical idiolects have been compared are Marina Tsvetaeva, Georgy Adamovitch, Ivan Bunin, Georgy Ivanov, Yury Ivask, Boris Poplavsky and others.

Решение одной из важнейших задач филологии – описание стилей поэтического языка с учетом тенденций его развития – предполагает обращение к сопоставительному анализу поэтических идиолектов «в их сходствах и различиях» (Григорьев, 1979: 255). «Интуитивно то или иное своеобразие авторов несомненно ощущается не только квалифицированным критиком, но и любым внимательным читателем. Сходства и различия в отношении к «корневой рифме» бросаются в глаза, между тем, более структурные и собственно семантические сходства и различия между поэтами остаются нередко вне поля нашего зрения» (Григорьев, 1975: 63). Вместе с тем принцип раздельного анализа соответствующих идиостилей, «учитывающий их специфику как индивидуальное отражение определенных структурных закономерностей, формирующих и тип художественной

организации текста», также остается весьма существенным (Григорьев, 1990: 82).

Предметом рассмотрения в данной работе являются идиолекты поэтов первой волны русской эмиграции. Любое описание поэтического арсенала художника слова позволит более наглядно выявить структуру концепта ДОМ/РОДИНА, формирующегося на пересечении ряда идиолектов. Именно на эту тему в 2004 г. автором данной статьи была защищена кандидатская диссертация «Концепт ДОМ/РОДИНА и его словесное воплощение в индивидуальном стиле М. Цветаевой и поэзии русского зарубежья первой волны» (Габдуллина, 2004). Кроме того, смежные исследовательские вопросы разрабатывались и в более ранних, и в более поздних научных работах¹.

Для решения подобных задач, как отмечал А. Белый, «необходима статистика, квинтэссенция из цитат – предполагающая нелегкую обработку словесного материала» (Белый, 1922: 7). Основной корпус текстов для анализа был взят из следующих сборников: «Ковчег: Поэзия первой эмиграции» (Крейд, 1991); М. Цветаева, «Собрание сочинений в 7 тт.» (Цветаева, 1995) (около 300 стихотворений); «Мы жили тогда на планете другой...» (Витковский, 1995); «Вернуться в Россию – стихами... 20 поэтов эмиграции» (Крейд, 1995); «Русская Атлантида. Поэзия русской эмиграции. Младшее поколение первой волны» (Иванова, 1998); «Изгнание. Поэты русского зарубежья» (Изгнание, 1999). По ним и приводятся все цитируемые в работе поэтические тексты. В общей сложности в ходе исследования проанализировано около 500 стихотворений поэтов русской эмиграции первой волны (1917–1940-х гг.), в т. ч. так называемого «молодого поколения».

¹ См., например: Н. Дацкевич, М. Гаспаров. «Тема дома в поэзии Марины Цветаевой» (1992); Н.Н. Мананова. «Семантика Дома в поэзии М.И. Цветаевой» (2002); О.А. Фещенко. «Концепт ДОМ в художественной картине мира М.И. Цветаевой: на материале прозаических текстов» (2005); Д.А. Малеванная. «Эволюция образа дома в лирике М. Цветаевой: Россия и эмиграция» (2007); И.Ю. Белякова. «Концепт пути в поэзии Марины Цветаевой» (2008); И.М. Дубровина «“Родина! Исток и устье!...” Опыт сравнительного анализа (А. Ахматова и М. Цветаева)» (2008); Ю.Г. Пыхтина. «Пространственные мотивы дома и дороги в лирике М.И. Цветаевой» (2011); С.И. Афанасьева. «Крымский контекст концепта “дом” в эмиграционном творчестве М.И. Цветаевой» (2012); Е.Н. Кирьянова «Феномен дома в ранней лирике Марины Цветаевой» (2012); Г.Ф. Зайнуллина. «Концепт “родная земля” в поэтических произведениях Марины Цветаевой» (2014); О.К. Евдокимова, Л.В. Ляпаева, С.В. Федяй. «Концепт “Дом”: творческая перекличка в веках (М. Лермонтов, М. Цветаева, Г. Айги)» (2018).

Сам термин «молодое поколение» достаточно условен. Речь идет о поэтах, которые заявили о себе лишь в эмиграции. Некоторые из них и в самом деле были совсем молоды – например, Борис Поплавский (родился 7 июня 1903 г., эмигрировал в Константинополь в 1920 г., в Париж – в мае 1921 г., первые публикации появились в 1928 г.); Довид Кнут (родился в 1900 г., в 1920-ом переехал в Париж, в 1924 появилась его первая публикация); Иван Савин (родился в 1899 г., в 1921 эмигрировал в Финляндию, в 1926 г. книга его стихов «Ладанка» имела большой успех и трижды была переиздана после его смерти, умер Иван Савин в 1927 г.) (Иванова, 1998: 3, 5, 107, 92).

Сопоставление идиолектов можно проводить под разным углом зрения. Для определения особенностей художественного почерка поэтов при создании интересующего нас концепта представляет интерес сопоставление используемых ими слов-символов, символических рядов, словесных ассоциаций, структур семантических полей и лексико-семантических групп, позволяющих презентировать рассматриваемый нами концепт. Характер символов и словесных ассоциаций, связанных с ними, является существенной чертой поэтического идиолекта, что в значительной степени дает представление о поэтической модели мира, конструируемой художником слова.

Ю.М. Лотман отмечал, что история культуры обнаруживает постоянно действующую тенденцию к индивидуализации знаковых систем: «Сфера пересечения кодов в каждом “личностном” наборе постоянно усложняется и обогащается, что одновременно делает сообщение, идущее от каждого субъекта, и более социально ценным, и труднее понимаемым» (Лотман, 1978: 31).

В данной работе условно разделим концепт ДОМ/РОДИНА на РОДИНА 1 (лично свое) и РОДИНА 2 (коллективно свое, большая родина). Из ряда общих черт, присущих изображению родины молодыми поэтами-эмигрантами первой волны, остановимся лишь на некоторых.

Первое, что объединяет этих авторов, – проблема выбора имени РОДИНЫ. Проблема *имени* РОДИНЫ как страны, исторически сложившегося государственно обустроенного геополитического пространства – одна из концептуальных на аксиологической оси в свертхтексте поэзии русской эмиграции, что прокомментировано и о чем программно заявлено в стихотворении М. Кузмина 1924 г. «Не губернаторша сидела с офицером...», в котором Богородице принадлежат слова: «*Ненареченной* быть страна не может. Одними

литерами не спастися»². В. Вейдле дает своей книге название «*Безымянная страна*», рассуждает, в частности, о том, что на Россию «ныне наклеено пошлейшее наименование – Союза...», «о чуждом России *ярлыке в 4 буквы* (или в 4 слова)», говорит, что это «ко всем услугам готовая и ради этого придуманная *кличка*» (Гуль, 1973: 246).

Переименование страны и ее новое название, таким образом, вызывает протест и расценивается как разрыв с исторической традицией, способствовавший превращению России в страну с непредсказуемым прошлым. Это событие показано, в частности, и через языковые проявления. «Все имена сменились на Руси. (Политика – расклейка этикеток, назначенных, чтоб утаить состав)», – писал М. Волошин в 1924 г. в советской России. Для Бальмонта новые названия страны – «сатанинский набор слов»: «Россия превратилась в РСФСР, а потом обернулась в СССР» (ср.: у В. Маяковского в поэме «Хорошо»: «Приятно русскому с русским обняться – но у нас и имя “Россия” утеряно»).

Противопоставляется Россия – СССР. У Цветаевой находим соотнесение разных названий страны с различными поколениями («прадеды – мы – вы»):

Ведь и звука-то нету – Русь!
Цыть! Буде толковать!
Не быть и не бывать,
Чтоб русский офицер –
Да за Рэсэфэсэр!;

А что на Рассее –
На матушке? – То есть
Где? – В Эссэсэсере
Что нового? – Строят;

Русь – прадедам, Россия – нам,
Вам – просветители пещер –
Призывное: СССР, -
Не менее во тьме небес
Призывное, чем: SOS.

(Ср.: у Д. Мережковского: «Грубость зверихи родной, Эссэсэрии»).

Наиболее болезненное отношение вызывало у современников переименование Санкт-Петербурга. Еще в 1914 г. З. Гиппиус написала

² Здесь и далее курсив в цитатах наш – С. Г.

стихотворение «Петроград», начинающееся строкой «Кто посягнул на детище Петрово?» и заканчивающееся пророчеством: «Восстанет он, всё тот же бледный, юный, / Всё тот же – в ризе девственных ночей, / Во влажном визге ветреных раздолий / И в белоперистости вешних пург, / Созданье революционной воли – Прекрасно-страшный Петербург!»

Следующий сквозной мотив, также являющийся общим в поэтических идиолектах художников слова первой волны, – мысль о гибели России как большой родины. «России – конец, да и всему, всей моей прежней жизни тоже конец» (И. Бунин, «Конец»); «России нет!» (Б. Поплавский, «Уход из Ялты»). Этот мотив варьируется в стихах Г. Иванова, одного из наиболее трагичных поэтов русского зарубежья: «И нет ни России, ни мира, / И нет ни любви, ни обид» («Закроешь глаза на мгновенье...»); «Хорошо, что нет Царя, / Хорошо, что нет России, / Хорошо, что Бога нет»; «Россия – счастье, Россия – свет. / А, может быть, России вовсе нет». Ср. этот же мотив у М. Цветаевой:

С фонарем обшарьте
Весь подлунный свет.
Той страны на карте –
Нет, в пространстве – нет.
Выпита как с блюда:
Доньшко блестит!

Можно ли вернуться
В дом, который – срыт?

Набор этих контекстов, перекликаясь с цветаевским восприятием и отражением РОДИНЫ (родины 2 как коллективно-своего, неперсонального пространства), образует свертхтекст (термин Н.А. Купиной (Купина, 1995)), позволяющий интерпретировать концепт/константу «родная земля» в поэзии русского зарубежья как нечто, ставшее *ничем*.

Интертекстуальность – еще одна тенденция, общая для идиолектов поэтов русского зарубежья первой волны. Создателем термина *интертекст* является Ю. Кристева, давшая ему следующее определение: «...сам будучи не чем иным, как дискурсом, получатель также включен в дискурсивный универсум книги. Он, стало быть, сливается с тем, другим текстом, по отношению к которому писатель пишет свой собственный текст, так что горизонтальная ось (субъект – получатель) и вертикальная ось (текст – контекст) в конце концов совпадают, обнаруживая главное: всякое слово (текст) есть такое

пересечение двух слов (текстов), где можно прочесть по меньшей мере еще одно слово (текст)» (Кристева, 1995: 98–99).

Писатели-эмигранты рассматривали русский язык как национальное достояние, как память об утраченной родине, поэтому, потеряв Россию, они единственным своим ДОМОМ ощущали русскую культуру. Литература осознается ими как вторая действительность. В рассказе 1924 г. «Книга» И. Бунин так писал о роли литературы: «Полжизни прожил в каком-то несуществующем мире, среди людей, никогда не бывших, выдуманных, волнуясь их судьбами, как своими собственными, до могилы связав себя с <...> Гретхен и Чацким, Собакевичем и Офелией, Печориным и Наташей Ростовою» (Бунин, 1973).

Такое отношение к книге характерно и для других писателей русского зарубежья. Именно оно обусловило взаимосвязь литературного начала и мира, создаваемого или воссоздаваемого в произведениях. Вот как выразил это Г. Иванов:

Это звон бубенцов издалёка,
Это тройки широкий разбег,
Это черная музыка Блока
На сияющий падает снег

(Иванов: электрон. ресурс)

Проведем текстологический анализ этого четверостишия. В структуре данного отрывка выделяется слово 'это' в начале каждой строфы (связочная функция местоимения 'это'). Оно связывает тему и ремю не только в предложении, но и в тексте, будучи формальным проявлением, знаком этой смысловой связи между текстом и содержанием. Слово 'это' здесь играет не только связочную, но и композиционную роль, повторяясь в каждой строке стихотворения.

Стихотворение Г. Иванова – пример одного из произведений, созданных в эмиграции, где основным художественным приемом является цитатность. Текст содержит аллюзии (намеки), реминисценции (скрытые цитаты) на какие-либо широко известные произведения русской литературы. Так, строчка «это звон бубенцов издалека» – неточная цитата из романа «Бубенцы» на слова А. Кусикова; «черная музыка Блока» навеяна стихотворениями А. Блока из цикла «Арфы и скрипки»: «Страшный мир! Он для сердца тесен! / В нем твоих поцелуев бред, / Темный морок цыганских песен, / Торопливый полет комет!» Выстраивается величественный образ РОДИНЫ России, незыблемой святыни, поднятой на метафизическую высоту. Дисгармония «цыганских скрипок», «вьюжная» страстность

Снежной Маски, вплетенный в текст образ гоголевского символа Руси как птицы-Тройки – всё это приобретает космический масштаб.

Образ гоголевской *птицы-тройки* также использован Н. Оцупом в его «Дневнике в стихах»: «...И не веря старой колесе, Гонит птицу-тройку император». В другом стихотворении Н. Оцупа, «Буря мглой» (1922), образ возлюбленной становится символом силы и стойкости русской женщины и России в целом. Таким образом, цитатность становится как бы знаком «света» русской культуры, который побеждает «мглу» всех трагических перипетий истории XIX и XX века:

Как бьется сердце горестно и громко,
Когда вхожу, крестьясь, в чужой, наемный дом
С своей уж ветхою котомкой!

(И. Бунин)

Данные контексты подтверждают мысль о значимости анализа реминисценций для понимания художественного текста и художественного творчества в целом. «Культура коллективна по самому своему существу, и каждая культурная эпоха – непрерывный процесс взаимодействия творческих усилий ее больших и малых деятелей, процесс миграции идей, поэтических тем и образов, заимствований и переосмыслений, усвоения и отторжения. <...> Цитата, реминисценция может функционировать в тексте как “чужое слово” и менять в нем акценты, может дать нам материал для наблюдений над технологией поэтической работы, – наконец, она наглядно показывает нам связи великого поэта с традицией и плотность поэтической среды, из которой он вырос» (Вацуро, 1994: 5–6).

Цитаты из определенного текста – обычное явление в литературе зарубежья, для некоторых же художников слова характерна цитатность как общий принцип творчества. М. Цветаева неоднократно цитирует «Пир во время чумы» А.С. Пушкина: «Есть упоение в бою / И бездны мрачной на краю». Интертекстуальность можно наблюдать в стихах Г. Иванова, Г. Адамовича, «Дневнике в стихах» Н. Оцупа.

Детализированная классификация интертекстуальных связей была создана Жераром Женеттом, французским специалистом по теории литературы, автором работ по структурной поэтике, риторике и нарратологии (Женетт, 1998). Согласно ей, в двух разобранных нами выше примерах представлены: 1) собственно интертекстуальность в стихотворении Г. Иванова (совмещение в одном произведении элементов из как минимум двух текстов – цитаты, аллюзии, плагиат) и

2) паратекстуальность (отношение текста к заглавию, послесловию, эпитафии) в стихотворении Н. Оцупа. В качестве прецедентного текста (термин Ю.Н. Караулова) также выступают заглавия произведений и строки из текстов русской классической литературы, иногда вносится элемент сатиры: название стихотворения А. Чёрного «*Кому в эмиграции жить хорошо*», Дон-Аминадо «Дым без отечества» (образ «*дым отечества*» использует также и М. Осоргин), «В Москву, в Москву, в Москву!»).

Введение цитаты может сопровождаться различными приемами. Цитата стоит в начале некоторых стихотворений и без посредничества эпитафии. Отправной точкой развития мысли могут быть строки Пушкина. Строки «Красуйся, град Петров и стой / Неколебимо, как Россия» начинают стихотворение И. Бунина «День памяти Петра», строка «У лукоморья дуб зеленый...» начинает стихотворение Вяч. Иванова: «У лукоморья дуб зеленый... / Он над пучиною соленой / Певцом посажен при луке, / Растет в молве укорененный, / Укорененный в языке» (из «Римского дневника», 1944 г.). Цитатны начала некоторых стихотворений Дон-Аминадо (Аминада Петровича Шполянского): «Во глубине сибирских руд» («Ряд волшебных изменений»), «Гром победы, раздавайся...» («Ать! Два!»), «Я пришел к тебе с приветом» («В дни Мессии»), «Уж небо осенью дышало» («Труженики моря»), «Солнце всходит и заходит» («Крик души»).

Цитаты не только начинают, но и заканчивают стихотворения. «Романс» Дон-Аминадо заканчивается цитатой: «Две гитары за стеной / Жалобно заныли», – в которой гитары приобретают метафорический характер: речь идет о Дзержинском и Менжинском. Цитатами заканчиваются некоторые стихотворения Г. Иванова: «Донна Анна! Нет ответа. / Анна, Анна! Тишина» – конец стихотворения «Холодно ходить по свету».

Одна из самых популярных в поэзии русского зарубежья – цитата «Возвращается ветер...» из Книги Экклезиаста. Ее используют Дон-Аминадо, Д. Кнут, Н. Оцуп, И. Одоевцева, В. Вейдле. Неоднократно повторяется в разных позициях цитата из «Божественной комедии» Данте: например, она возникает в названии стихотворения И. Бунина «*Nel mezzo del camin di nostra vita*»³ (1947); приводится в романе М. Осоргина «Времена»: «В середине пути нашей жизни я очутился в дремучем лесу, так как прямая дорога была потеряна».

Ад и рай, связанные с ними объекты, библейская символика – существенная составная часть всего корпуса поэтических текстов

³ Земную жизнь пройдя до половины (итал.).

литературы русского зарубежья. Именно через библейские категории осмысляется всё происшедшее и происходящее с эмигрантами, что, на наш взгляд, закономерно, учитывая анализируемый социокультурный фон. Вот лишь небольшое количество таких цитат: «Только сердце твердит и твердит, / Что *второе* пришествие будет», «Дьявол, дьявол, сколько дашь / За мою душонку? / А душонка не проста, / И стыдлива, и чиста – / Русская душонка!» (Ю. Одарченко); «Долго сердцу немисливо в собственном соке вариться, / скоро, сердце, тобою совсем переполнится лоб. / Это, может быть, в *первом* изгнание о нас говорится, / это, может быть, *первое* яблоко гонит нас в гроб» (А. Присманова, 1937 г.); «Луч зари позолотил окно, / Утреннюю не затмив звезду... / Это всё обман – давным-давно / Я живу в аду. / Я уже давным-давно привык / К наукам Геены, к свисту змей... / Слизывает *дьявольский* язык / Свет с души моей», «И не прощено, не раскаянно, / В гордыне, ужасе и зле / И в страхе бродит племя *Каина* / По русской *авельской* земле» (В. Смоленский); «Еще нередко человеческий взор / И молчаливое рукопожатье / Нам облегчает тяжесть и позор / *Библейского* жестокого проклятья» (Д. Кнут); «Темнеют, свищут сумерки в пустыне. / Поля и океан... / Кто утолит в пустыне, на чужбине / *Боль крестных ран*? / Гляжу вперед, на *черное Распятье* / Среди дорог – / И простирает скорбные объятия / Почивший Бог» (И. Бунин, 1920 г.), «Уж нет возврата / К тому, чем мы жили когда-то, / Потерь не счесть, не позабыть, / *Пощечин от солдат Пилата* / Ничем не смыть – и не простить...» (И. Бунин, 1922 г.). В «Стихах о троцкистах» В. Смоленского встречаем эпиграф «Мне отмщение и Аз воздам», – это же и первая строка стихотворения. Последняя строфа начинается словами: «... Мне отмщение! И на земле, / Как в аду, вам невозможно скрыться».

Однако вместе с этим поэтов-эмигранты полемизируют с утверждением о гибели РОДИНЫ. В стихотворении 1918 г. «Нет!» З. Гиппиус пишет:

Она не погибнет, – знайте!
 Она не погибнет, – Россия.
 Они всколосятся, – верьте!
 Поля ее золотые.
 Россия спасется – знайте!
 И близко ее воскресенье!

(Гиппиус: электрон. ресурс)

Пример паратекстуальности – стихотворение И. Северянина «Спящая красавица»: «О дитя! Ведь она бессмертная, / И воскреснет

она ... на днях!» Для актуализации аналогичного мотива И. Савиним использован такой стилистический прием, как оксюморон: «Ты ли, Русь *бессмертная, мертва?* Нам ли сгинуть в чужеземном море?!»

Воссоздание РОДИНЫ как чужбины через использование оксюморонных характеристик также встречается у М. Цветаевой: «Но и с калужского холма / Мне открывалась она – / Даль – тридевятая земля! / *Чужбина, родина* моя!» («Родина»).

Ф.А. Степун в эссе «Мысли о России» писал: «Каждому человеку свойственна жажда гармонии. Чувство гармонии есть чувство подчиненности окружающего тебя мира закону внутреннего бытия». Эмигранты – это люди, утратившие свой привычный мир, переставшие свободно распоряжаться своей судьбой, потерявшие почву под ногами (Барковская, 2001: 7).

В сверткесте поэзии русского зарубежья *поэтика памяти* выступает как структурирующее начало в большинстве контекстов. Память как «антивремя» открывает в хаотическом потоке случайных событий гармонию и привносит в него смысл. Поэты-эмигранты хотя бы в памяти восстанавливают утерянное навсегда прошлое. М. Цветаева в стихотворении «Рассвете на рельсах» из сборника «После России» (1928) пишет: «Покамест день не встал / С его страстями стравленными. / Из сырости и шпал / Россию восстанавливаю» (Цветаева, 1928). Попытка оживить в цвете, звуках, запахах, объемах прошлое ощущение полноты и радости жизни породила у многих поэтов такое качество художественного мира, как феноменологизм («объективная субъективность»), – когда не просто вспоминается предмет или ситуация из жизни, а воссоздается ее восприятие и переживание.

Одна из продуктивных лексико-тематических групп в сверткесте поэзии зарубежья первой волны – *топонимы*. Литература русского зарубежья изобилует географическими названиями. Это, с одной стороны, топонимы покинутой РОДИНЫ России, с другой – география скитаний, не-РОДИНЫ.

Жизнь человека может быть показана через перечисление топонимов: «Что делал я? Мечтал, работал, жил / В Новочеркасске, в Киеве, в Париже» (В. Смоленский, «Есть что-то дикое в моей судьбе...»); «Крым, Константинополь. Завод под Парижем» (Н. Евсеев, «Помню войну...»); «Конкорд и Елисейские поля, / А в памяти Садовая и Невский» (Н. Оцуп, «Конкорд»). Топоним может стоять в одном ряду с реалиями – приметами той или иной страны: «И вспомнил я тогда верховья Сала, / И степь, и ленту Куберле-реки...» (А. Перфильев, «Братьям-калмыкам»).

Топонимы соотносятся с разными периодами жизни поэтов – до эмиграции и после эмиграции. У некоторых из них особо выделена Гражданская война и топонимы, с нею связанные: Дон, Кубань, Перекоп, Крым, Галлиполи: «Огневными цветами осыпали / Этот памятник горестный Вы, / Не склонившие в пыль головы / На Кубани, в Крыму в Галлиполи» (И. Савин «Огневными цветами...»); «Дон в крови позади, / Дон небесный еще впереди» (В. Смоленский «А у нас на Дону...»); «То было в детстве, безмятежно раннем, / И вот в жестокой юности моей / Она уже седлала лошадей / В станицах на Дону и на Кубани» (Ю. Софиев, «Свобода»).

Анализируя заголовки стихотворений, обратим внимание на то, что названия многих из них составляют именно топонимы. Это прежде всего именованная, содержащие непосредственно названия покинутой РОДИНЫ: «Россия» (М. Форштетер, Н. Келин, Е. Бакунина), «К России» (В. Набоков), «Перед картой России» (Н. Тэффи), «Русь» (А. Биск, Г. Кузнецова), «Петербург» (Ю. Трубецкой), «Киев» (Г. Кузнецова), «На Хопре» (Н. Евсеев), «Одесса», «Бахчисарай» (С. Прегель), «Дорога в Каргополь» (Ю. Мандельштам), «Малороссия» (В. Ильяшенко), «Кишиневские походы» (Д. Кнут), «Стихи о Соловках» (В. Смоленский), «Память Черноморья» (В. Мамченко), «Феодосия», «Коктебель» (Ю. Трубецкой).

Особенно обширен такой ряд названий в стихах М. Цветаевой. Топонимы, связанные с темой гражданской войны у Цветаевой, отчасти совпадают с топонимами у других поэтов, так же как и их осмысление: «Эх, *Кубань* ты наша родина, / Вековой наш богатырь!»; «Молчи, молчи, *Сиваш!*»; «“Дома”, “дома”, “дома”, “дома”, / “Вот Москву когда возьмем”. / *Дона*, *Дона*, *Дона*, *Дона* / Кисель, смачный чернозем»; «*Перекоп* – так перекапывалась новь, / Окапывалась бывь», «...*Галлиполи*: чан – до́ полно – / Скорбей. Бела – была. / *Галлиполи*: голо́-поле: / Душа – голым-гола».

Есть в ее стихах и необычные топонимы: «Горит красная гостиница – / Село Константиновка!», «Какие названья: Каховка... Любимовка...», «Курск – действуем, / Керчь – пьянствуем, / Да, но сидим в селе Щемилровке», «Дно – станция, / А то – Гуляй-Поле!», «На вал взойди, лбом к северу: / Руси всяя – лицо. / В тылу родство последнее: / Щемилровка – сельцо. / В плечах – пруды Сивашевы, / Сольца, гнильца сплошна. / С него и кличка нашему / Сиденьицу пошла: / Щемиловско. Ни нам, ни им! / В иные времена / Дает же Бог местам иным / Такие имена!»

Г. Иванов перечисляет петербургские реалии: «Нам бы да в сияньи шелковом, / Осень-весен поджидая, / На *Успенском* иль на

Волковом, / Под песочком Голодая, / На ступенях Исаакия / Или в прорубь на Неве...» («Нечего тебе тревожиться»). В стихах А. Кондратьева также находим здание «Двенадцати Коллегий», «каналов мрак...», / Адмиралтейский шпиз, за сквером, золотой, / Гул поздний Невского».

Воспоминания переплетаются с непосредственными впечатлениями, прошлое – с настоящим. В параллельных конструкциях сочетаются топонимы России и реалии разных стран: «С каким-то невским ветерком от Сены / Летят, как встарь, послушные слова, / День настает почти нездешнее яркий, / Расходится предутренняя мгла, / Взвивается над Елисейской Аркой / Адмиралтейства вечная игла» (Г. Адамович, «Ты здесь, опять...»); «Всё так же, в Туле или в Праге, / Идут дожди, шумят леса. / И молодые голоса / Поют по вечерам в овраге» (В. Лебедев, «На дальнем пути»); «Русь мешается в памяти с Мексикой» (Ю. Иваск, «Сан Мигель де Альенде»); «Неясно – Крым или Тихоокеанский пляж» (В. Дукельский); «Всю ночь шумят деревья в Тюльери, / Всю ночь вздыхают где-то на Неглинной» (В. Корвин-Пиотровский, «Дырявый зонт перекосялся ниже»); «Мне бы горсточку радости, / мне бы / двухцилиндровый мотоциклет! / Чтоб в бессонницу, / в небо, / в Италию, / в Петербург, / в Петроград, / в Ленинград, / и так далее, и так далее... / Через дождь, через снег, через град – / Прокатить бы по шпалам истории, / по тому, что еще впереди: / по ее винтовой траектории / в побежденное завтра войти» (К. Померанцев, «Флоренция»).

С использованием имен собственных связан мотив *возвращения на родину*: «Как скоро – из Мёдона – да на Кубань» (М. Цветаева, «Стихи к сыну»); «Замирающее чувство, / Словно вы на полустанке. / Вот придет швейцар огромный – / Страшный бас и густ и вятен: / – Пер-рвый... Поезд... на четвертом... / Фастов...Знаменка...Казатин... » (Дон-Аминадо, «Голубые поезда»); «Эх, если б узкоколейка / Шла из Парижа в Елец...» (Дон-Аминадо, «Бабе лето»).

Весь мир как будто противопоставляется РОДИНЕ в стихотворении К. Бальмонта «Только»:

Ни радости цветистого Каира,
Где по ночам напевен Муэзин,
Ни Ява, где живет среди руин,
В Боро-Будур, светильник Белый мира,
Ни Бенарес, где грозового пира
Желает Индра, мча огнистый клин

Средь тучевых лазоревых долин, –
Ни все места, где пела счастье лира, –
Ни Рим, где слава дней еще жива,
Ни имена, чей самый звук – услада,
Тень Мекки, и Дамаска, и Багдада, –
Мне не поют заветные слова, –
И мне в Париже ничего не надо,
Одно лишь слово нужно мне: Москва.

То же видим у И. Елагина в «Так ненужно, нелепо, случайно...»:

А чёрт ли нам в Алабаме?
Что нам чужая трава?
Мы и в могильной яме
Мертвыми, злыми губами
Произнесем: «Москва».

Одна из тем в стихах поэтов русского зарубежья – освоение чужого пространства, не-РОДИНЫ, *чужбины*. Подобные мотивы вербализуются в основном посредством использования топонимов. Например, в стихотворении Л. Алексеевой «Холод, ветер... А у нас в Крыму-то...» каждая строфа заканчивается топонимом: «А у нас в Стамбуле...», «А у нас в Белграде...», «А у нас в Париже...», «А у нас в Нью-Йорке...».

Свое и чужое начинают перемешиваться: запах смолы, которой «заливают щебенъ старый» на одной из улочек Парижа, вызывает в памяти образ сосен. И в условиях чужой среды воссоздается «русский дух». Заглавия-топонимы, содержащие названия чужих городов и стран, столь многочисленны, что по ним можно составить карту скитаний: «Берлинское» (В. Ходасевич), «Берлин» (Г. Эристов), «France douce» (М. Цветаева), «Париж» (Л. Страховский, В. Гальской), «Лето в Париже» (Л. Бердяева), «Парижское житье» (А. Черный), «Из парижских стихотворений», «Январь в Париже» (М. Струве), «Париж впервые» (М. Горлин), «Кладбище под Парижем» (Б. Поплавский), «Парижская поэма» (В. Набоков), «Дарданеллы», «Турецкое кладбище» (Г. Кузнецова), «Перуджа», «Пиза», «Сардиния» (Г. Эристов), «Рим в снегу», «Равенна», «Мост вздохов» (В. Сумбатов), «Римские сонеты», «Римский дневник» (Вяч. Иванов), «Стихи о Харбине» (А. Несмелов), «Китай», «Шанхай» (А. Вертинский), «Египет» (Ю. Терапиано, Б. Нарциссов), «Стихи к Чехии» (М. Цветаева), «Прага» (М. Форштетер, Э. Чегринцева), «Швейцарские горы» (М. Вега), «Белладонна, Альпийская поэма»

(Н. Гронский), «Мексика моего детства» (М. Горлин), «Эта Америка», «На берегах Гудзона», «Новая Англия» (С. Прегель), «В Брайант-парке», «Дом на Манхэттене» (Л. Алексеева), «Terra australia» (К. Пестрово) и т. д. Топонимы включены не только в названия отдельных стихотворений, но в названия циклов: «Европейская ночь» В. Ходасевича, «Римский дневник» Вяч. Иванова, – и сборников: «Парижские ночи» Д. Кнута, «Весна в Париже» С. Прегель. К заглавиям можно прибавить первую строку стихотворений, не имеющих заглавия, и тогда кругиспользуемых географических названий расширится: «Твоих озер, Норвегия, твоих лесов» (Г. Адамович), «Быть может, в Конго или в Аргентине» (И. Сабурова).

Тягостным для эмигранта было чувство *бездомности*. Дело не только в отсутствии своего дома, квартиры (как у Б. Поплавского), но в утрате дома как особой, близкой, близкорасположенной к человеку сферы материальной и духовной культуры. Даже разбогатев, В. Набоков жил в отелях, не покупал дом и говорил, что его ДОМ – в Петербурге. О такой метафизической бездомности писал И. Бунин:

У птицы есть гнездо, у зверя есть нора...
Как горько было сердцу молодому,
Когда я уходил с отцовского двора,
Сказать прости родному дому!

У зверя есть нора, у птицы есть гнездо...

Тот же мотив – у А. Ладинского в стихотворении «Крестonosцы»: «Как *блудный сын*, как *нищий*, / Мы смотрим на райский град, / На ангельские жилища, / На пальмы и виноград». Мотив эмиграции как второй родины развит в меньшей степени:

Там сторона моя глухая,
Где горечь дум узнала я,
Пусть ненавистная, пусть злая,
Вторая родина моя
(И. Кнорринг, «Там»)

У нас с тобой, мой друг, всего по паре:
Две родины – Америка, Россия
(Шотландский вереск, русская береза)...
(В. Дукельский, «Два доллара»)

Лучезарное небо над Ниццей

Навсегда стало небом родным.
Тишина благодатного юга,
Шорох волн, золотое вино
(Г. Иванов,
«Четверть века прошло за границей»)

Среди речевых средств, способствующих более глубокому и детальному пониманию языковой картины мира художника слова, – ключевые слова, являющиеся репрезентантами максимально компрессированного смысла текста. С идейно-тематическим содержанием сверттекста поэзии эмиграции первой волны связано слово/эпитет «чужой». Главным принципом выделения ключевых слов в художественных текстах является не количественный фактор, а смысловой. Слово может встречаться относительно редко и быть при этом ключевым и, наоборот, «пестрить» в стихотворениях и при этом быть малоинформативным.

Один из сквозных мотивов в поэзии зарубежья – *мотив чуждости нового окружения*: «Но куда, куда нам скрыться, / Если всем мы чужды?» (А. Несмелов, «С головой под одеяло»).

Обращает на себя внимание частота использования данного эпитета и применение его для описания разных по своему характеру реалий. Под понятие «чужой» попадают разные тематические зоны, отчего возникает эмоциональное впечатление тотальности чужого. «Голубизна чужого моря, / Блаженный вздох весны чужой / Для нас скорей эмблема горя, / Чем символ прелести земной» (Г. Иванов); «Здесь шумят чужие города, / И чужая плещется вода» (Р. Блох); «Чужих освоить бестолково: / Чужой останется чужим» (И. Северянин, «Грустный опыт»); «Чужие, редкие леса, / Чужого неба полоса, / Чужие лица, голоса, – / Чужая небылица» (А. Чёрный, «Полустанок»); «Мне суждено на чинном Pere-Lachaise / Глядеть в чужое палевое небо. / И я тоскую» (А. Штейгер, «Pere-Lachaise»); «Сейчас кругом чужие земли, / Буруны, вихри, облака...» (Д. Кленовский, «Мы все уходим парусами...»); «Так я гляжу в недоуменьи / На берег страшный и чужой» (Д. Кленовский, «Как пароход подходит к пристани»). Сравним с цветаевским: «Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст». Таким образом, у прилагательного «чужой», становящегося в сверттексте поэтов русской эмиграции ключевым словом, появляются контекстуальные синонимы «пустой» и «страшный».

Оппозиция «свое-чужое» становится доминирующей и, как правило, она ценностно окрашена: свое – хорошее, чужое – плохое.

Данная оппозиция реализуется в сверткесте поэзии первой волны эмиграции самыми разнообразными способами – как противопоставление светлого темному, мрачному, теплого холодному, неуютному, жизни – сну, полусну, ирреальности, т. е. через противопоставления на сенсорной, психологической и эстетической шкалах. Оценки выражены и лексически, и синтаксическими конструкциями, прежде всего сравнениями.

В большинстве контекстов ключевое слово «чужой» реализует свое прямое значение – «не имеющий непосредственного отношения к кому-либо, не свой; посторонний». Такое употребление вполне соответствует стремлению художников как бы со стороны взглянуть на свое положение. Однако различие свой – чужой (за границей, на чужой земле) – это нечто большее, чем различие по признаку принадлежности, это, скорее, различие между двумя разными мирами, и, вероятно, как отмечает Е.С. Кубрякова, «оно особенно значимо для русского сознания» (Кубрякова, 2000: 95).

Анализ других минимальных контекстов позволяет выделить у слова «чужой» смысл, связанный с понятием смерти/ не-жизни. Проиллюстрируем, как бинарная оппозиция «свой – чужой» конкретизируется через корреляцию с противопоставлением «ад – рай». Жизнь в эмиграции оценивается как ад, что мы уже наблюдали у М. Цветаевой: «За этот *ад*, / За этот бред / Пошли мне сад / На старость лет» («Сад», 1934). «Тюрьма, сума, любовь неверная – / Всё ничего, всё – не беда! / Но этот холод, тьма пещерная, / Со стен текущая вода, / Ненарушимое молчание / И теснота и тяжесть скал – / Что это – мечь иль испытание? / За что? И кто его послал? / Иль это – *ад*, существование / которого я отрицал?» (В. Злобин, «Что это?»); «Луч зари позолотил окно, / Утреннюю не затмив звезду... / Это всё обман – давным-давно / Я живу *в аду*. / Я уже давным-давно привык / К паукам Геенны, к свисту змей... / Слизывает дьявольский язык / Свет с души моей» (В. Смоленский, «Луч зари...»). Проявление этой ассоциации находим и в метафоре у И. Одоевцевой: «О, спойте скорей «Лебединую песню» / И «Белой акации» и «В том саду», / Хоть встречались мы не в саду, а в *аду*, / В *аду эмиграции*».

Рай обладает приметам России, РОДИНЫ: «Как себе ты представляешь *рай*, / Праведных блаженные селенья? <...> Ну а мне он грезится иначе: / Мельница. Заснувшая река. / Ровный свет – ни яркий, ни холодный. / Лодка так стремительно легка, / Я скольжу, как тень, по глади водной. / Кто-то ждет меня в пустом саду, / Где сирень, костер и лай собачий, / Как тогда, в семнадцатом году, / В белой мгле,

под Нарвою, на даче» (В. Злобин); «А небо такое синее, / Как в раю... и на Арбате» (Дон-Аминадо, «Гатянин день»).

В литературе зарубежья неизбежно отразились особенности словоупотребления, связанные с жизнью в новой языковой среде. Самую большую роль играют французские слова. Они входят и в речевые характеристики персонажей, и непосредственно в лирическое повествование: «гарсоны, в спешке морщась...» (Б. Поплавский), «ресторан был старого стиля, без клетчатых скатертей на столах и “региональных” блюд в меню» (Н. Тэффи), «с вечера были вынуты из плакара летние костюмы...» (М. Осоргин), «веселый почталъон... / Поднес с парижской грацией / Письмо “рекомандэ”» (А. Чёрный). В стихах И. Северянина находят применение отдельные эстонские слова: «Sirel – сирень по-эстонски – Только вчера расцвела»; «Владычица Эстии, фея Eiole, / По-русски eiole есть: нет»; в стихах А. Несмелова – китайские: «У пожилых, степенных манз / Идет беседа о посеве, / И свињи черные у фанз / Ложатся мордами на север»; испанские – при изображении Мексики: «Вышли на площадь, и возговорил Еремей: / – Пуебло мекхикано, веселись и пей! / – Мучо буено, – закричали ацтеки / А в Мехико хуельга хенераль – / Русо локо: его в больницу» (Ю. Иваск). Иноязычные слова, в первую очередь французские, приобретают особенности русских: они начинают склоняться: «Пароход плывет по Сене, / Хлещет пена за кормой... / Нас милёнки в воскресенье / угощали синемой» (Дон-Аминадо, «Эмигрантские частушки»); «... в тех же русских Пассах – так называли первые пионеры Парижский квартал Passy...», «Дано в Пассах, на Сене и Уззе, в лето российское, революсьон десятое» (Дон-Аминадо). Французские слова в русском оформлении представлены в сатирических произведениях Саши Чёрного, есть они и у Дон-Аминадо:

Ибо толща и консьержки,
И хозяйки пансионов,
Мелких лавочников форум,
Каждый зяблик и кулик,
Фамм-де-шамбры, демивьержи
И десятки миллионов,
Все кричат согласным хором:
Vive, хоть тресни, Republique!
(Дон-Аминадо, «Республиканские восторги»)

Итак, сопоставительный анализ поэтических текстов художников слова первой волны эмиграции показал, что ряд явлений в идиолектах

поэтов при концептуализации образа РОДИНЫ можно выделить как тенденции. В качестве структурирующего начала в свертхтексте поэзии русского зарубежья в большинстве контекстов выступает поэтика памяти. Вероятно, в связи с этим одним из самых распространенных художественных приемов в поэзии русской эмиграции является цитатность: многие тексты содержат аллюзии и реминисценции на какие-либо широко известные произведения русской литературы. Другим заметным приемом становится использование топонимов. На формирование свертхтекста эмигрантской поэзии не могли не повлиять «новая родина» и новый культурный контекст, в связи с чем частотным и распространенным становится эпитет «чужой».

Литература

- Барковская, Нина В. (2001). *Литература русского зарубежья (1-я волна)*: Учебное пособие. Екатеринбург: АМБ.
- Белый, Андрей. (1922). *Поэзия слова*. Петербург: Эпоха.
- Бунин, Иван А. (1973). *Стихотворения. Рассказы. Повести*. Москва: Художественная литература. URL: <https://ilibrary.ru/text/1018/p.1/index.html> (дата обращения 06.04.2019).
- Вацуру, Вадим Э. (1994). *Записки комментатора*. Санкт-Петербург: Академический проект.
- Витковский, Евгений В. (Сост.). (1995). «Мы жили тогда на планете другой...»: Антология поэзии русского зарубежья. 1920-1990: В 4 кн. Москва: Московский рабочий.
- Габдуллина, Светлана Р. (2004). *Концепт ДОМ/РОДИНА и его словесное воплощение в индивидуальном стиле М. Цветаевой и поэзии русского зарубежья первой волны (сопоставительный аспект)*: Дис... канд. филол. наук. Москва.
- Гиппиус, Зинаида. Нет. URL: <https://slova.org.ru/gippiusz/net/> (дата обращения 06.04.2019).
- Григорьев, Виктор П. (1975). *К спорам о слове в художественной речи*. В Григорьев В. П. (Отв. ред.). *Слово в русской советской поэзии*. Москва: Наука. 5-75.
- Григорьев, Виктор П. (Отв. ред.). (1979). *Лингвистика и поэтика*. Москва: Наука.
- Григорьев, Виктор П. (Отв. ред.) (1990). *Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль: Общие вопросы. Звуковая организация текста*. Москва: Наука.
- Гуль, Роман Б. (1973). *Одвуконь: Советская и эмигрантская литература*. Нью Йорк: Мост.
- Женетт, Жерар. (1998). *Фигуры*. В 2-х томах. Т. 1–2. Москва: Изд-во им. Сабашниковых.

- Иванов, Георгий. Это звон бубенцов издалёка... URL: <https://www.stihi.ru/2009/03/08/198> (дата обращения 06.04.2019).
- Иванова, С.А. (Сост. и коммент.). (1998). *Русская Атлантида. Поэзия русской эмиграции. Младшее поколение первой волны*. Москва: Интрада.
- Изгнание. Поэты русского зарубежья*. (1999). Ростов-на-Дону: Феникс.
- Крейд, Вадим П. (Сост. и коммент.). (1995). *Вернуться в Россию – стихами... 20 поэтов эмиграции: Антология*. Москва: Республика.
- Крейд, Вадим П. (Сост. и коммент.). (1991). *Ковчег: Поэзия первой эмиграции*. Москва: Политиздат.
- Кристева, Юлия. (1995). Бахтин, слово, диалог и роман [Пер. Г.К. Косикова]. В *Вестник Московского ун-та. Сер. 9: Филология*, №1. 98-99.
- Кубрякова, Елена С. (2000). *О понятиях места, предмета и пространства*. В Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина (Отв. ред.). *Логический анализ языка. Языки пространств*. Москва: Языки русской культуры. 84-92.
- Купина, Наталия А. (1995). *Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции*. Екатеринбург; Пермь: Изд-во Екатеринбургского ун-та.
- Лотман, Юрий М. (1978). *Динамическая модель семиотической системы*. В *Ученые записки Тартуского университета. Семиотика культуры. Труды по знаковым системам*. Вып. 463. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та. 18-34.
- Цветаева, Марина И. (1928). *После России, 1922–1925*. Париж: Povolotzky.
- Цветаева, Марина И. (1995). *Собрание сочинений: В 7 тт.* Л.А. Мнухин, А.А. Саакянц (Сост. и коммент.). Москва: Эллис Лак.

References

- Barkovskaya, Nina V. (2001). *Literatura russkogo zarubezh'ya (I-ya volna)* [The Literature of the Russian Abroad of the First Wave]. Ekaterinburg: AMB. (In Russian.)
- Belyy, Andrey. (1922). *Poeziya slova* [The Poetry of the Word]. Petersburg: Epokha. (In Russian.)
- Bunin, Ivan A. (1973). *Stikhotvoreniya. Rasskazy. Povesti* [Poems. Stories. Narratives]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. URL: <https://ilibrary.ru/text/1018/p.1/index.html> (accessed April 6, 2019). (In Russian.)
- Gabdullina, Svetlana R. (2004). *Kontsept DOM/RODINA i ego slovesnoe voploshchenie v individual'nom stile M. Tsvetaevoy i poezii russkogo zarubezh'ya pervoy volny (sopostavitel'nyy aspekt): Dis... kand. filol. nauk* [The Concept of Home and Motherland and Its Verbalization in the Individual Style of Marina Tsvetaeva and in the Poetry of the Russian Abroad of the First Wave. The Comparative Aspect: PhD Thesis in Philology]. Moscow. (In Russian.)
- Gippius, Zinaida. *Net* [No]. URL: <https://slova.org.ru/gippiusz/net/> (accessed April 6, 2019). (In Russian.)
- Grigoriev, Viktor P. (1975). *K sporam o slove v khudozhestvennoy rechi* [Approaching a Question of the Function of a Word in the Artistic Discourse].

- In Grigor'ev, Viktor P. (Ed.). *Slovo v russkoy sovetskoy poezii* [A Word in the Russian and Soviet Poetry]. Moscow: Nauka. 5-75. (In Russian.)
- Grigoryev, Viktor P. (Ed.). (1979). *Lingvistika i poetika* [Linguistics and poetics]. Moscow: Nauka. (In Russian.)
- Grigoryev, Viktor P. (Ed.) (1990). *Ocherki istorii yazyka russkoy poezii XX veka. Poeticheskyy yazyk i idioshtil': Obshchie voprosy. Zvukovaya organizatsiya teksta* [The Notes on the History of the Language of 20 century. The Language of Poetry and the Idiostyle: General Issues. The Sound Structure of the Text]. Moscow: Nauka. (In Russian.)
- Gul, Roman B. (1973). *Odvukon': Sovetskaya i emigrantskaya literatura* [A Two-horse Rider: The Soviet and the Immigrants Literature]. New York: Most. (In Russian.)
- Ivanov, Georgiy. *Eto zvon bubentsov izdaleka...* [It's This Little Bells Jingle From the Distance...]. URL: <https://www.stihi.ru/2009/03/08/198> (accessed April 6, 2019). (In Russian.)
- Ivanova, S.A. (Compl. and Comment.). (1998). *Russkaya Atlantida. Poeziya russkoy emigratsii. Mladshee pokolenie pervoy volny* [The Russian Atlantis. The Poetry of the Russian Emigration of the First Wave. The Younger Generation of the First Wave]. Moscow: Intrada. (In Russian.)
- Izgnanie. Poety russkogo zarubezh'ya* [Exile. The Poets of the Russian Abroad]. (1999). Rostov-na-Donu: Feniks. (In Russian.)
- Kreyd, Vadim P. (Compl. and Comment.). (1995). *Vernut'sya v Rossiyu – stikhami... 20 poetov emigratsii: Antologiya* [To Get Back to Russia – Via the Poetry... 20 Emigrant Poets: Anthology]. Moscow: Respublika. (In Russian.)
- Kreyd, Vadim P. (Compl. and Comment.). (1991). *Kovcheg: Poeziya pervoy emigratsii* [The Ark: Poetry of the First Wave of Immigration]. Moscow: Politizdat. (In Russian.)
- Kristeva, Juliya. (1995). *Bakhtin, slovo, dialog i roman*. [Bakhtin, a Word, a Dialogue and a Novel]. [Translated by. G.K. Kosikov]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9: Filologiya* [Herald of of Moscow University. Ser. 9: Philology], No.1. 98-99. (In Russian.)
- Kubryakova, Elena S. (2000). *O ponyatiyakh mesta, predmeta i prostranstva* [On the Concepts of Place, Subject and Space]. In Arutyunova Natalia D., Levontina Irina B. (Ed.). *Logicheskyy analiz yazyka. Yazyki prostranstv*. [Logical Analysis of Language. Languages of Space]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. 84-92. (In Russian.)
- Kupina, Nataliya A. (1995). *Totalitarnyy yazyk: slovar' i rechevye reaktsii*. [Totalitarian Language and the Speech Reactions]. Ekaterinburg; Perm: Izdatel'stvo Ekaterinburgskogo universiteta. (In Russian.)
- Lotman, Yuriy M. (1978). *Dinamicheskaya model' semioticheskoy sistemy* [The Dynamic Model of a Semiotic System]. In *Uchenyye zapiski Tartuskogo universiteta. Semiotika kul'tury. Trudy po znakovym sistemam* [The Scholars Notes of Tartu University. The Semiotics of Culture. Works on Signs Systems]. Vol. 463. Tartu: Izdatel'stvo Tartuskogo universiteta. 18-34. (In Russian.)
- Tsvetaeva, Marina I. (1928). *Posle Rossii, 1922–1925* [After Russia, 1922–1925]. Parizh: Povolotzky. (In Russian.)

- Tsvetaeva, Marina I. (1995). *Sobranie sochineniy: V 7 tomah* [The Works in 7 Volumes]. Mnukhin L.A., Saakyants Anna A. (Compl. and Comments.). Moscow: Ellis Lak. (In Russian.)
- Vatsuro, Vadim E. (1994). *Zapiski kommentatora* [The Notes of a Commentator]. Sankt-Petersburg: Akademicheskii proekt. (In Russian.)
- Vitkovskiy, Evgeniy V. (Ed.). (1995). «*My zhili togda na planete drugoy...*»: *Antologiya poezii russkogo zarubezh'ya. 1920–1990* [We Used To Be Living on the Planet Unlike. 1920–1990]. Of 4 parts. Moscow: Moskovskiy rabochiy. (In Russian.)
- Zhenett, Zherar. (1998). *Figury* [The Shapes.]. Vol. 1–2. Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh. (In Russian.)